В стихотворении, посвященном поэту Андрею Вознесенскому (а это стихотворение было написано задолго до выхода книги «Аз и Я»), Олжас Сулейменов остается верен самому себе и выбранным еще в поэтической юности ориентирам:

Это кажется мне —
Махамбет, как стрела,
в китайской стене,
головою — в кирпич,
а штаны с бахромой —
оперенье;
грозный мой Махамбет,
ты давно —
персонаж в оперетте,
я тебе не завидовал,
не позавидуй мне.
Ты не пытайся понять
нашу странную речь,
вылезай из проклятой стены:
уже сделана брешь,
тебе будет не просто —
жить в царствии прозы
поэзией,
исправляя метафорой мир,
как Европу
Азией.

Необходимо небольшое биографическое разъяснение, касающееся как творчества двух больших поэтов, так и творческого наследия Махамбета, а точнее того, что их духовно связывает с образом и мировосприятием М. Утемисова.

Где-то в начале семидесятых, когда готовилась книга новых переводов Махамбета, посвященная 170-летию со дня рождения поэта, Олжас Сулейменов предложил перевести стихи казахского классика своему другу поэту Андрею Вознесенскому. И не просто предложил, а убедил его, что только он по силе своего таланта может довести до взыскательного русского читателя дух и творчество Махамбета. Но, как говорится, поэт предполагает, а Бог... Алма-атинское издательство «Жазушы» так и не дождалось новых переводов, хотя был заключен договор с переводчиком. Однако многочисленные поклонники поэзии Махам-

бета и А. Вознесенского встретились с его ярким образом в новом цикле оригинальных стихов Андрея Вознесенского «Читая Махамбета». И здесь еще неизвестно, что для нас дороже и ценнее — очередная попытка перевести «непереводимого» Махамбета или цикл оригинальных стихов Андрея Вознесенского, который, кстати, переживал в то время свою «эпоху Махамбета», но в рамках и тисках «соцреализма», то есть был, как всегда, в полуопале и немилости Кремля.

В цикле «Читая Махамбета» образ поэта-бунтаря с мужественной, но ранимой душой, одетого в кольчугу, но с открытым сердцем, рожден силой таланта большого поэта, каким является Андрей Вознесенский. Я, например, не уверен, что великий бард Владимир Высоцкий смог бы с такой же силой прохрипеть «переводную кальку» поэта Махамбета на Таганке, как он буквально выплескивал в притихший зал слова из этого цикла:

Не славы и не коровы,
Не шаткой короны земной —
Пошли мне, Господь, второго —
Чтоб вытянул петь со мной!

Цикл «Читая Махамбета» начинается своеобразным запевом-алкисса, что характерно для казахской фольклорной поэзии:

Зачитываюсь Махамбетом.
Заслышу Азию во мне.
Антенной вздрогнет в кабинете
Стрела, торчащая в стене!
Что в моей жизни эта женщина,
Несовременна и смела?
Забьется под стрелою трещина,
как пригвожденная змея.
И почему в эпоху лунников
нам, людям атомной поры,
все снятся силуэты лучников,
сутулые, как топоры?

Цикл состоит из четырех стрел, поэтически посланных на четыре стороны света: стрела первая «Черные верблюды», стрела вторая «Отставший лебедь», стрела третья «Мольба», или «Песня акына», и стрела четвертая «Свобода». Согласно этому своеобразному поэтическому колчану привожу весь цикл.

Черные верблюды

Стрела первая

Требуются черные верблюды,
черные, как гири, горбы!
Белые верблюды для нашей работы — слабы.
Женщины нам не любы.
Их груди отвлекут от борьбы.
Черные верблюды, черные верблюды,
накопленные горбы.
Захлопнутся над черепами,
как щипцы для орехов, гробы.
Черные верблюды, черные верблюды,
черные верблюды беды!
Катитесь, чугунные ядра, на желтом и голубом!
Восстание, как затмение, наедет черным горбом.
На белых песках чиновники —
как раздавленные клопы...
Черные верблюды, черные верблюды,
разгневанные горбы!
Стрела с горящею паклей застрянет меж кирпичей,
Пепелищ верблюды потянутся
с обугленными горбами печей.
Нынче ночь не для блуда. Мужчины возьмут ножи.
Черные верблюды, черные верблюды,
черные верблюды — нужны.
Черные верблюды, черные верблюды
по бледным ублюдкам грядут.
На труса не тратьте пулю — плюнет черный верблюд!

Отставший лебедь
Стрела вторая

Я последний твой лебедь, Азия!
Отстал. Мне слезами глаза завязаны,
Мои крылья в лазури завязли.
Немота на моих устах.
Мой вожак и народ погибли.
Чужаки на моем пути.
Ястреба,
журавли,
колибри,
помогите своих найти!
Где ты, родина, под туманом?
Отыщи меня хоть стрелой.
Закричал от смертельной раны,
я б узнал,
что мой край живой!
Я матерый, ветрами тертый,
Но бессмысленно одному
горло драть и таранить тьму,
Я живой, но мертвей, чем мертвый.

С этой нотою недоношенной
между жаворонков и синиц
лебединое одиночество
сложит крылья
и камнем —
вниз!

Мольба
Стрела третья

Не славы и не коровы,
не шаткой короны земной —
пошли мне, Господь, второго —
чтоб вытянул петь со мной!

Прошу ни любви ворованной,
ни денег, ни орденов —
пошли мне, Господь, второго
чтоб не был так одинок.

Чтоб было с кем пасоваться,
аукаться через степь,
для сердца, не для оваций,
на два голоса спеть!

Чтоб кто-нибудь меня понял,
не часто, ну хоть разок,

Из раненых губ моих поднял
царапнутый пулей рожок.

И пусть мой напарник певчий,
забыв, что мы сила вдвоем,
меня, побледнев от соперничества,
прирежет за общим столом.

Прости ему. Он до гроба
одиночеством окружен.
пошли ему, Бог, второго —
такого, как я и он.

Свобода
Стрела четвертая

Кто врет, что мы переродились и стадом плетемся —
поганым, покорным,
покойным?
По коням! По коням! По коням!
Оскомина с формулировок окольных —
по коням!

Полковник, как ваша печенка? Мы ею шакалов
покормим!
По коням, по коням!

Вы, кони, дожуйте
эбелек!
Взбешенно до жути
скосите белок —
в погоню!
Кто не на коне —
значит, тот под конем.
Чем гибнуть в огне,
сами станем огнем —
по коням!..

...Порублены кони мои. Порезали лучших
под корень.
И все же — по коням!
Мы мертвых коней оседлаем
и мстительным свистнем походом —
По годам, по годам, по годам!

И кто-то через столетье
со стоном
степную стрелу засветит
в стене над магнитофоном!

И в доме потянет паленым,
потянет река под балконом
по коням —
по коим, по коим?

Вот так в результате творческой и земной дружбы двух больших поэтов, Олжаса Сулейменова и Андрея Вознесенского, появился уникальный «совместный проект». И образ поэта Махамбета, ставший определяющим идеалом борца за свободу творчества, а следовательно, и за творчество свободы, благодаря поэзии Андрея Вознесенского и Олжаса Сулейменова стал близок и понятен многим аудиториям мира, ибо стихи из цикла «Читая Махамбета» и стихи, посвященные ему, звучали в разных странах и на разных языках. Это один из тех редких случаев в истории поэтического перевода, когда один поэт не переводит, а именно передает дух и образ мыслей другого поэта, так называемую квинтэссенцию его творчества, которая не поддается гладкому, калькированному переводу.

История Степи знает подобные случаи, когда великие Абай и Шакарим не переводили в буквальном смысле, а передавали своими песнями и своими стихами образы и сюжетные линии поэзии и прозы А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и других классиков русской литературы.

Все это роднит поэзию разных литератур и составляет ее великую тайну. И Андрей Вознесенский в силу своего большого таланта смог это прочувствовать и подарить читательской аудитории разных стран своего Махамбета.

В феврале 1996 года, когда я проводил Вечер поэзии Андрея Вознесенского, Беллы Ахмадулиной и Александра Ткаченко в Алма-Ате, я был свидетелем, как слушатели, пришедшие в зимний февральский вечер на встречу с поэтами из Москвы, просили прочитать и «АТЕ 37-70», посвященное Олжасу Сулейменову, и стихи из цикла «Читая Махамбета».

Андрей Вознесенский взволнованно выдохнул в переполненный зал: «Спасибо вам за Олжаса!»

Быть может, мне послышалось так, но этот возглас благодарная аудитория перевела на язык наших отцов и наших детей:

— Олж-жаса-сын!

Поэзия Махамбета, ее бунтарский дух, глубина и простота образов, сила поэтического таланта, гражданственность, мечты о счастливой и достойной жизни народа и одновременно пронзительная тема одиночества глубоко созвучны современности.

Поэзия Махамбета в свое время оказала влияние на творчество акынов Западного Казахстана и в дальнейшем на творчестве многих поэтов XX века. Неразрывно связанная с животворным истоком литературы — казахским эпосом и фольклором, отражающая мировоззрение, настроение, думы и чаяния народа, она шагнула в XXI век, оставаясь одной из ярких страниц казахской литературы.